

ОБЩІЯ ЧЕРТЫ ВЪ РЕЛИГІЯХЪ ДРЕВНЯГО ВОСТОКА.

Месопотамская низменность и нильская долина являются очагами древнѣйшей культуры. Наука не знаетъ болѣе древнихъ памятниковъ, чѣмъ египетскіе и ассириовавилонскіе. Древнѣйшіе храмы, религіозныя изображенія, надписи, вообще реликвіи принадлежать этимъ странамъ и населявшимъ ихъ народамъ. Позже ихъ на историческую арену являются хеттеи и финикіяне. Культура у нихъ пріобрѣтаетъ свой особенный отпечатокъ, они живутъ иначе, чѣмъ ихъ старшіе и могущественные сосѣди. Въ исторіи человѣческаго развитія эти народы, кажется, были не столько самостоятельными насадителями тѣхъ или иныхъ отраслей промышленности и искусствъ, сколько комиссіонерами между цивилизаціями семито-хамитическихъ и арійскихъ народовъ. Что финикіяне находили въ Вавилоніи и Египтѣ, то они передавали Элладѣ и Риму. Черезъ посредство финикіянь прежде всего должны были народы Европы знакомиться и съ религіознымъ достояніемъ востока. Затѣмъ съ этимъ достояніемъ европейцы стали знакомиться и непосредственно и самостоятельно. Фактъ глубокой религіозности этихъ народовъ повидимому произвелъ глубокое впечатлѣніе на европейцевъ. Надъ этой глубокой религіозностью должны задумываться и изслѣдователи настоящихъ дней. Что представляютъ собою открываемыя въ настоящее время надписи Гудеа, Рамзесовъ, Кхета-Сирь, Месы? Исповѣданіе религіознаго характера человѣческой исторіи. Чѣмъ болѣе надпись приближается къ нашимъ днямъ, тѣмъ менѣе вѣдетъ отъ нея религіознымъ характеромъ. Такова, напримѣръ, надпись Эш-

муназара, таковы египетскія надписи птоломейской эпохи. Какъ будто религіозное чувство постепенно ослабѣвало и замирало у народовъ, жившихъ на берегахъ Ефрата и Нила. Въ концѣ концовъ, мы знаемъ, погибли и жившіе тамъ народы и исповѣдывавшіяся тамъ религіи. Но если эти религіи представляютъ собою теперь явленіе прошедшее, то изученіе ихъ является очень полезнымъ для выработки правильныхъ взглядовъ на религіи настоящаго. Въ сферѣ религіозно-нравственной религіозный примѣръ и опытъ прошлаго имѣеть несравненно болѣе могучее значеніе, чѣмъ даже въ сферѣ экономической и политической. Конечно, дѣлаютъ и будутъ дѣлать различные выводы изъ однихъ и тѣхъ же фактовъ, различнымъ образомъ пользуются и будутъ пользоваться однимъ и тѣмъ же опытомъ. Но важно прежде всего выяснитъ самыя данныя опыта, факты, и въ настоящее время сравнительное изученіе религіи даетъ возможность установить не мало общихъ положеній относительно религіи исповѣдывавшихся народами древняго востока.

Всѣ они вѣрили въ боговъ и духовъ. Съ этими фактами стоятъ въ несогласіи теоріи утверждающія, что первичною формою религіи у народовъ востока былъ монотеизмъ и что первичною формою у нихъ былъ пандемониизмъ. На самыхъ древнихъ памятникахъ не содержится ни исповѣданія вѣры въ единого Бога, ни отрицанія вѣры въ боговъ. Думаютъ, что этотъ фактъ стоитъ въ несогласіи съ Библіею. Многіе писатели признающіе авторитетъ Библии хотять найти монотеизмъ въ религіяхъ древнѣйшихъ народовъ; напротивъ писатели рационалисты ищутъ слѣдовъ изначальнаго пандемониизма въ самой Библии. Позволительно думать, что и тѣ и другіе стоятъ на ошибочномъ пути. Въ Библии есть свидѣтельство, что нѣкогда политеизмъ былъ почти всеобщимъ явленіемъ. Это—въ эпоху передъ временемъ Авраама (Ис. Нав. XXIV, 2). Если отступленіе отъ религіозной истины отцовъ Израиля и не было полнымъ, если въ ту пору и сохранялись племена и семьи содержавшія въ существенномъ истинное Богопочитаніе, то во всякомъ случаѣ религіи царствъ той эпохи представляли собою политеизмъ. Памятники утверждаютъ это. Книги Библии всѣ написаны послѣ Авраама, поэтому ихъ авторы—съ какой бы точки зрѣнія не смотрѣть на Библию—какъ культурные люди—не могли проводить

принциповъ полидемонизма. Но что такое политеизмъ? Его легче опредѣлить отрицательно, чѣмъ положительно. Онъ противоположенъ монотеизму, признающему бытіе единого Бога, отъ котораго все находится въ безусловной зависимости по происхожденію и существованію. Политеизмъ представляетъ, что многія премірныя существа (боги) образовали этотъ міръ и управляютъ въ немъ теченіемъ явленій. Образы божествъ въ политеистическихъ религіяхъ всегда въ большей, или меньшей степени неясны, измѣнчивы, противорѣчивы. Должно признать съ несомнѣнностію, что въ созданіи ихъ имѣло большое значеніе художественное творчество. Отсюда цѣлыя ряды фантастическихъ сказаній, легендъ и мифовъ. Дѣйствительность представляетъ много несогласованнаго и противорѣчиваго, это свойство міра смертныхъ жители древняго востока переносили на міръ безсмертныхъ. Однако этическія, логическія и практическія потребности должны были ограничивать произволъ и вносить нѣкоторый порядокъ въ представленія о небесныхъ владыкахъ. Во имя этическихъ требованій египтянинъ или халдеѣ долженъ былъ стремиться идеализировать каждаго бога, о которомъ размышлялъ или котораго хотѣлъ почитать. Все равно—былъ ли это Шамасъ, Синъ, Кнуму, Пта, Озирисъ; но идеализировать бога значитъ расширить и увеличить его свойства до безконечности. Такимъ образомъ, одинъ изъ многихъ боговъ, когда его свойства, силы, могущество, мудрость и любовь расширяютъ до безконечности, становится единымъ Богомъ. Прочіе боги въ сравненіи съ нимъ не суть боги. Эта мысль ясно выражается во многихъ гимнахъ, на примѣръ, въ гимнѣ Синъ. Но потомъ предикаты безконечности переносятся на свойства другого бога. А такъ какъ двухъ безконечныхъ не можетъ быть, то второй богъ оказывается тождественнымъ съ первымъ. Отсюда процессъ сліянія: Пта-Сокарн-Озирисъ и даже Вааль-Астарта. Можно предполагать, хотя этого и нельзя утверждать рѣшительно, что этотъ процессъ сліянія въ религіяхъ приводилъ къ тому, съ чего эти религіи начинали. Въ глубокой древности Озирисъ, Горъ, Пта были мѣстными божествами. Весьма вѣроятно, что не разъ происходило, что одно и тоже божество въ различныхъ мѣстахъ получало различныя названія. Затѣмъ, когда происходило этнографическое и политическое объ-

единеніе такихъ мѣсть, боги съ различными именами являлись различными богами. За этимъ періодомъ наибольшаго раздробленія и размноженія Божествъ—періодомъ въ значительной мѣрѣ ускользающемъ изъ историческаго поля зрѣнія—наступалъ тогда періодъ—всецѣло протекавшій на глазахъ исторіи—постепеннаго сліянія божествъ. Нерѣдко, конечно, происходило и то, что раздробленіе шло параллельно сліянію. Въ позднѣйшую эпоху фактъ сліянія божествъ подсказалъ философамъ теоріи, что различныя имена боговъ суть обозначенія различныхъ проявленій единаго Божества. Это выражено, напримѣръ, въ *De mysteriis* прописываемомъ Ямвлиху. Но это уже западное истолкованіе восточнаго факта, потомучто въ этомъ толкованіи сказывается влияніе греческой философіи.

Логическое стремленіе къ единству побуждало иначе объединять различныя и даже противоборствующія божественныя начала. Уже съ глубокой древности, видно, теологи стремились устанавливать связь и опредѣлять взаимоотношенія между божествами. Объединеніе Божествъ въ триады—фактъ имѣвшій мѣсто и въ Ассиро-Вавилоніи и въ Египтѣ и Финикіи. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи систематизація Божествъ совершалась по двумъ принципамъ. Взаимоотношенія Божествъ опредѣлялись по ихъ происхожденію и по тому, какое участіе каждый изъ боговъ принималъ въ дѣлѣ управления міромъ. Первый принципъ породилъ теогоніи. Къ счастью сохранились теогоніи Санхоніатона, Манетона, Бероза. Въ основѣ ихъ лежатъ положенія о единствѣ существующаго, о томъ, что все связано единою неразрывною связью, и о томъ, что Божественный міръ по отношенію къ земному не есть какое-либо инобытіе, а только высшая часть бытія. Все развилось изъ чего то одного—хаоса, бездны, міроваго яйца. Система боговъ, это рядъ поколѣній вышедшихъ изъ единаго. Люди произошли отъ боговъ. Земля, это сравнительно—низшая часть существующаго. Эта теорія является съ одной стороны пантеизмомъ, хотя это слово и не можетъ быть приложено къ ней въ строгомъ смыслѣ, съ другой — іерархическимъ политеизмомъ. Эта теорія естественно подсказываетъ выводъ, что значеніе cadaго изъ боговъ опредѣляется его мѣстомъ въ ряду божественныхъ поколѣній: Божества ближайшія къ началу,—выше, ближай-

шія къ людямъ ниже по своему значенію и могуществу. Но религіозная практика сильно распатала эту теогоническую теорію. Образы древнѣйшихъ боговъ заволокли туманомъ и отошли куда-то въ даль, воображеніе создало представленія объ управленіи міра богами, такъ что каждый завѣдывалъ или особою географическою и этнографическою областью, или особою группою явленій. Вселенная по своимъ областямъ и свойствамъ была подѣлена между богами, при чемъ болѣе важное и болѣе высокое оказывалось иногда во власти боговъ вовсе не высшихъ по происхожденію. Такъ, выдвинулись Мардукъ, Озирисъ, Ададь. Халдеи и египтяне не противопоставляли землю небу, какъ конечное безконечному, а разсматривали ихъ лишь какъ неровныя части одного цѣлаго. Они признавали, что міръ дѣйствительно таковъ, какимъ онъ кажется. Пространство для нихъ было несомнѣнною и всеобъемлющею реальностью. Поэтому Божества въ ихъ представленіи должны быть приурочиваемы къ опредѣленнымъ областямъ міра. Ихъ астрономія должна была неизбѣжно создать семь небесныхъ сферъ. Они видѣли, что звѣзды при своемъ вращеніи около полярной звѣзды не измѣняютъ взаимоотношеній и отсюда заключали, что они прирѣплены къ одной сферѣ, которая вращается вокругъ оси міра, верхній конецъ которой проходитъ черезъ полярную звѣзду (это кажущееся движеніе звѣздъ происходитъ отъ дѣйствительнаго движенія земли вокругъ своей оси). Но солнце, луна и пять планетъ извѣстныхъ древнимъ перемѣщали свое положеніе между звѣздами, отсюда мысль, что каждая изъ нихъ имѣетъ свою особую сферу, въ которой и движется. Легко подсказывалась мысль, что могутъ быть и еще высшія небесныя сферы—небеса небесъ. Удобнѣе всего представить, что Божества живутъ въ области небесныхъ сферъ. Естественно сблизить Божества съ нѣкоторыми свѣтилами, вліяніе которыхъ на землю велико и несомнѣнно. Въ ряду свѣтилъ, отъ которыхъ зависитъ въ своей жизни земля, первое мѣсто занимаетъ солнце. Отсюда божество солнца занимаетъ первенствующее или одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ религіяхъ. Нерѣдко высказывалась мысль, что люди древняго востока поклонялись солнцу, какъ Божеству, непосредственно, что они видѣли въ солнцѣ живое Божество. Утверждаютъ, что въ глубокой древности

такъ и было, и что только позднѣе произошло относительное раздѣленіе солнца и бога солнца. Этотъ взглядъ долженъ быть признанъ безусловно неправильнымъ. Въ эпоху позднѣйшую, когда Лукіанъ или кто-либо другой присвоившій его имя писалъ трактатъ о сирійской богинѣ, въ мабогскомъ храмѣ не было изображеній солнца и луны, а только ихъ престолы, потому что солнцу и лунѣ каждый могъ поклоняться непосредственно. Эти боги видны и открываются всѣмъ людямъ. Но въ эту пору солнце и луна считались уже не первоверховными Божествами, а трактовались, какъ второстепенныя, ставшія въ зависимости отъ высшихъ началъ Божества. Напротивъ, въ глубокой древности, мы видимъ, Шамасъ (солнце) вовсе не отождествляется съ видимымъ солнцемъ, послѣднее трактуется, какъ одно изъ колесъ его колесницы. Точно также въ Египтѣ Ра (солнце) призываетъ къ себѣ солнце и сообщаетъ ему силу свѣта, но самъ онъ можетъ быть и жить и независимою жизнью отъ солнца, Ра даже былъ царемъ на землѣ. Точно также луна называлась глазомъ Гора, сближалась съ Синъ и Астартой, но даже и Синъ (луна) не отождествлялась съ луннымъ дискомъ. Для души Изиды указывали мѣсто на Сиріусѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мыслили Изиду пребывающею и въ другихъ мѣстахъ. Вообще можно установить съ несомнѣнностію, что въ религіяхъ культурныхъ народовъ древняго востока въ древнѣйшія эпохи свѣтила не разсматривались непосредственно, какъ боги и не разсматривались, какъ матеріальныя оболочки Божества. Почитавшіяся свѣтила признавались мѣстами, средою особеннаго присутствія Божествъ, или даже орудіемъ для особеннаго проявленія Божественной силы. Что сказано о свѣтилахъ, то должно сказать о стихіяхъ. Ану не небо, но небо—мѣсто особеннаго присутствія и пребыванія Ану; Еа-не океанъ, но океанъ вышелъ изъ него и является средою, которою онъ управляетъ. Боги не тождественны съ различными сторонами бытія, но одни изъ нихъ управляютъ одними, а другіе другими сторонами бытія. Различіе сферъ ихъ дѣятельности опредѣляетъ характеръ различія и взаимоотношеній между ними. Боги суть іерархія существъ производившихъ міръ и управляющихъ міромъ. Они связаны съ міромъ, какъ родившіе съ рожденіемъ, какъ отцы съ дѣтьми. Поэтому въ сущности они съ міромъ составляютъ

одно. Существуют законы бытія, по которымъ живетъ міръ и по которымъ дѣйствуютъ боги, духи и люди. Но взгляды мыслителей древняго востока на эти законы остались неизвѣстными. Ихъ системы іерархическаго политеизма, ихъ теогоніи и сказанія о богахъ предполагаютъ пантеизмъ, но у нихъ не найдено ясно выраженнаго философскаго ученія о пантеизмѣ.

Іерархическій политеизмъ въ своемъ развитіи повидимому могъ бы привести къ монотеизму такимъ образомъ. Первое начало всего, какъ все производшее, должно было бы разсматриваться, какъ высочайшее и могущественнѣйшее. Анализъ и размышленіе должны были бы приводить къ мысли, что все происшедшее отъ перваго Божества стоитъ отъ него въ безусловной зависимости, между первымъ богомъ и вторичными генераціями боговъ мысль должна была бы вырыть пропасть, первобогъ безмѣрно поднялся бы надъ міромъ, а второбоги приблизились бы къ міру, къ людямъ, приняли бы образы геніевъ и демоновъ. Такъ повидимому должно бы было быть. Но исторія религій показываетъ, что было иначе, что древнѣйшіе боги въ сознаніи людей представлялись безличными, неопредѣленными, къ нимъ не возносили молитвъ и отъ нихъ не ставили въ зависимость своей судьбы. Іерархическій политеизмъ, который повидимому долженъ былъ направлять мысль къ монотеизму, въ концѣ концовъ направлялъ его къ пантеизму. Былъ еще путь, который повидимому долженъ былъ тоже привести къ монотеизму. Это путь практической. Служа преимущественно какому нибудь божеству, служители этого божества легко могли поставить въ исключительную зависимость отъ него всю свою жизнь и благополучіе. Ревностное почитаніе одного бога могло вести къ забвенію и отрицанію другихъ боговъ. Такъ и бывало. Жрецы еивскаго Амона дискредитировали не только другихъ жрецовъ, но и другихъ боговъ. На нѣкоторое время дѣйствительно существовавшій культъ Атена явился, какъ противовѣсъ возможности установленія единаго культа Амона. Что такая возможность временно могла переходить въ дѣйствительность, объ этомъ свидѣтельствуемъ и временный успѣхъ культа Атена въ Египтѣ и временный успѣхъ культа Небо въ Ассиріи. Хамось мавитскій тоже выступаетъ почти, какъ единственный богъ.

Но замѣчательно, что и этотъ практическій монотеизмъ не имѣлъ поступательнаго движенія, и отъ него опять переходили къ чистому политеизму. Культъ Атеа исчезъ совсѣмъ, звѣзда Небо затмилась и онъ занялъ второстепенное положеніе по отношенію къ Мардуку. Въ сообщество Хамоса у моавитянъ была привлечена Астарта, и моавитяне, какъ это видно изъ памятника Месы, не отрицали существованія и Іеговы. Нельзя устанавливать параллели между выраженіями Месы о Іеговѣ и выраженіями Библии о Хамосѣ. Въ Библии Хамосъ — не богъ, а мерзость моавитская (4 Цар. XXIII, 13; 3 Цар. XI, 7). Въ одномъ мѣстѣ, правда, Хамосъ представляется какъ бы дѣйствительнымъ богомъ. Это—въ посланіи израильтянъ къ аморреямъ. „Не владѣешь ли ты, спрашиваетъ израильскій народъ у аморрейскаго, тѣмъ, что далъ тебѣ Хамосъ, богъ твой? И мы владѣемъ всѣмъ тѣмъ, что далъ намъ въ наслѣдье Господь Богъ нашъ“ (Суд. XI, 24). Но очевидно, что здѣсь дипломатическій оборотъ рѣчи: приведенныя слова представляютъ собою сокращеніе такой мысли: не владѣешь ли ты тѣмъ, что, какъ ты вѣришь, далъ тебѣ Хамосъ. Весь контекстъ приведеннаго мѣста показываетъ, что съ израильской точки зрѣнія не Хамосъ, а Іегова далъ удѣлъ аморреямъ и моавитянамъ, и эта мысль находитъ себѣ прямое выраженіе въ другихъ мѣстахъ библейскаго текста (Второз. II, 9 и XXXII, 8). Оставляя въ сторонѣ евреевъ, мы видимъ, что культурные народы древняго востока только приближались порою къ монотеизму, но никогда не становились дѣйствительно монотеистическими. Монотеизмъ развился у некультурныхъ арабовъ. Но были ли онъ здѣсь самостоятельнымъ? Арабскія преданія представляютъ собою библейскія перифразы и несомнѣннымъ представляется, что у этихъ преданій и у ихъ монотеистическихъ воззрѣній имѣется одинъ и тотъ же источникъ—Библия. Но какъ въ арабскихъ преданіяхъ искажается библейское повѣствованіе, такъ и образъ единаго Бога оказывается въ ихъ древнихъ сказаніяхъ затемненнымъ и рядомъ за нимъ, хотя и на значительномъ разстояніи—поставляются второстепенныя божества, слѣды которыхъ имѣются еще и въ коранѣ.

Такъ, люди древняго востока,—хотя многое вело ихъ къ монотеизму и сами они порою приближались къ нему—яв-

ляются почитателями не Бога, а боговъ и духовъ. Духи, демоны не тоже, что боги. Боги выше міра, духи находятся въ мірѣ, они связаны съ домами, рѣками, горами, они обладаютъ могуществомъ, но вообще ихъ назначеніе служебное. Въ вѣрованіи въ духовъ добрыхъ, благодѣтельствующихъ семьѣ, благополучію, довольству, здоровью, чадородію находила себѣ успокоеніе потребность древняго человѣка въ близкой и полезной помощи. Боги были высоко и далеко, между духами и людьми не мыслилось большаго разстоянія. Міръ духовъ былъ чрезвычайно обширенъ. Но фактъ постоянныхъ и часто неожиданныхъ неудачъ естественно долженъ былъ привести къ мысли, что кромѣ духовъ добродѣтельныхъ есть и злые, и число послѣднихъ можетъ быть даже болѣе числа первыхъ. Полидемонизмъ всегда влечетъ за собою много суевѣрій. Суевѣріе вообще есть признаніе, что нѣкоторыя силы, явленія, или дѣйствія — независимо отъ высшаго Провидѣнія—могутъ устроить наше благополучіе или неблагополучіе. Въ религіяхъ естественныхъ трудно произвести разграниченіе вѣры и суевѣрія. Религіи естественныя представляютъ собою бессознательную замѣну Божественнаго откровенія и Божественныхъ заповѣдей челоувѣческими измышленіями. На мѣсто вѣры, которой Богъ требуетъ отъ человѣка, человѣкъ ставитъ свое суевѣріе. Съ точки зрѣнія теоріи признающей всѣ религіи естественными, все содержаніе религій есть суевѣріе. Сущность религій обыкновенно есть фактъ Богообщенія, но вѣра въ это Богообщеніе съ раціоналистической точки зрѣнія, ошибочна суетна, есть суевѣріе. Тотъ, кто признаетъ, что есть религія Богооткровенная, не можетъ разсматривать и все содержаніе естественныхъ религій, какъ суевѣріе. Надежда на то, что Божественное управленіе все приведетъ къ хорошему концу, мольба о помощи при несчастномъ начинаніи не могутъ быть считаемы суевѣріями. Но въ вѣрованіяхъ древняго востока имѣли большое значеніе магическія дѣйствія и заклинанія, въ которыхъ не было не только нравственнаго, но и вообще, смысла. Знахари и жрецы произносившіе ихъ, видно, не соединяли съ ними никакого мистическаго и философскаго значенія. Странное и загадочное явленіе представляетъ собою эта вѣра въ могущество слова. Можетъ быть она развилась на почвѣ такихъ соображеній. Могучему вла-

стелину достаточно сказать, чтобы другіе немедленно поспѣшили исполнить его слово. Египетскій Тотъ творить словомъ. Слова обыкновенныхъ людей исполняютъ другіе люди, слова боговъ исполняются сами собою. Въ сферѣ магіи заклинательныя слова представляютъ собою приказаніе, которое одинъ духъ даетъ другому, или другимъ отъ него зависящимъ и которое послѣдніе непременно исполняютъ. Знаніе заклинаній и умѣнье произносить ихъ приобрѣтается не задаромъ. Тѣ усилія, дѣянія, жертвы, благодаря которымъ человѣкъ приобрѣтаетъ знаніе заговоровъ, есть та дань, которую получаетъ духъ подчиняющій въ заговорахъ человѣку силу другихъ духовъ. Наклонность видѣть знаменія или предзнаменованія въ тѣхъ или другихъ явленіяхъ въ своей основѣ законна. Великое событіе всегда имѣетъ предъ собою предвѣщающія его явленія. Землетрясеніямъ предшествуютъ легкія сейсмическія явленія. Зюссъ, полагающій, что потопъ, отъ котораго спасся Самасъ-Напистимъ, произошелъ вслѣдствіе поднятія дна въ Персидскомъ заливѣ, говоритъ, что этому движенію водъ съ моря долженъ былъ предшествовать цѣлый рядъ явленій (выступленія воды изъ почвы, малыя наводненія) предвозвѣщавшихъ о грядущей катастрофѣ. Смертельной болѣзни предшествуютъ болѣзненные припадки, мучительные сны. Кромѣ этихъ фактовъ естественныхъ предзнаменованій и иныя соображенія могли направлять мысль къ принятію вѣры въ сверхъестественныя знаменія. Боги предвидятъ будущее. Созерцая грядущія бѣдствія, они испытываютъ скорбь и эта ихъ скорбь выражается во внѣ въ явленіяхъ природы — затмится ликъ луны, неестественное смущеніе и волненіе охватываетъ животныхъ и они совершаютъ необычныя дѣйствія, разстраивается естественный порядокъ—рождаются уроды. Египетское сказаніе объ истребленіи людей при Ра, халдейская сага о потопѣ показываютъ, что въ эпоху страшныхъ бѣдствій боги способны буквально потерять голову. Но тогда, понятно, въ природѣ все должно принять необычное теченіе. Бѣдствію въ той или другой частной области предшествуютъ нарушеніе нормальнаго строя или появленіе необычнаго въ одной опредѣленной сферѣ. Предзнаменованія человѣку посылаются неожиданно безъ просьбъ и стараній съ его стороны. Солнечное затмѣніе, появленіе кометы внезапно

поражали ужасомъ смущенныя души. Но можно искать предзнаменованій. Можно спрашивать боговъ о будущемъ. Оракулы были въ Египтѣ, Халдеѣ, и Финикіи. Ихъ спрашивали не только во имя личныхъ интересовъ, но и во имя самаго искренняго Богопочитанія. У боговъ должно узнавать—угодны ли имъ предпріятія намѣчаемыя народомъ? Иначе не только предпріятіе не будетъ имѣть успѣха, но и боги будутъ разгнѣваны. Въ исторіи развитія гаданій, примѣтъ и магическихъ обрядовъ обращаетъ вниманіе на себя тотъ странный фактъ, что при руководствѣ этими явленіями и дѣйствіями люди стремятся не къ выясненію высшей воли для добровольнаго подчиненія ей, но исключительно къ устроенію своего благополучія внѣ моральныхъ и даже религіозныхъ интересовъ. Смыслъ заговора давно былъ забытъ, между примѣтой и событіемъ не видѣли никакой связи, для вѣры въ тѣ, или инныя формы гаданія не имѣли никакихъ основаній и однако гадали, произносили бессмысленныя формулы и отступали назадъ предъ самыми невинными явленіями.

Какое начало поддерживало грубый политеизмъ и дикія суевѣрія у культурныхъ народовъ востока? Они обладали тонкою наблюдательностью, широкимъ опытомъ, богатыми практическими познаніями. У нихъ были скульптура и живопись, богатая техника металловъ и матерій; они умѣли справляться съ сложными архитектурными задачами. У нихъ была поэзія и литература. Египетъ завѣщалъ намъ не одно беллетристическое произведеніе. Ихъ астрономическія познанія были и точны и обширны. Тоже должно сказать о многихъ ихъ метеорологическихъ и естественно-научныхъ наблюденіяхъ. Ихъ теоріи—даже и математическія—вообще были неудовлетворительны и невѣрны. Это неудивительно, ибо несомнѣнный удѣлъ большей части научныхъ теорій и настоящаго времени — лета. Вѣрныя обобщенія и истолкованія являются и вырабатываются съ крайнею медленностью. Но странно, что въ этой области, гдѣ и логика и нравственныя потребности и размышленіе и даже, такъ сказать, практика жизни направляли древнихъ людей къ тому, чтобы отказать и отстать отъ заблужденій, они непрестанно и упорно возвращались къ нимъ. Перенесеніе на бога предикатовъ высчайшаго существа заставляетъ мыслить Его

единымъ, стремленіе къ систематизаціи принуждаетъ поставить во главѣ боговъ одного, даже практика жизни дѣлала то, что одинъ богъ постепенно выдвигался изъ ряда другихъ и надъ другими повидимому какъ бы для того, чтобы потомъ остаться однимъ. Амонъ, Озирисъ, Сутехъ, Вааль, Мардукъ, Хамось, Аллахъ, вотъ—имена, съ каждымъ изъ которыхъ повидимому легко могло соединиться представление о Богѣ единомъ и единственномъ. Что же упорно отводило древнихъ людей отъ этого вывода и отъ этого исхода? Ихъ образъ поведенія въ этомъ отношеніи поражаетъ своею наивностью и легкомысліемъ. Египетскій фараонъ, нуждающійся при жизни въ содѣйствіи Сета, называлъ себя Сети. Умирая онъ безъ смущеній и угрызеній совѣсти мѣнялъ имя Сети на имя Озириса, потому что Сеть ему не былъ нуженъ болѣе, а нуженъ былъ противникъ Сета—Озирисъ. Въ сущности, значить, фараонъ думалъ, что очень легко обмануть того и другого бога, а между тѣмъ въ эпоху фараоновъ Сети о вѣдѣніи, мудрости и силахъ Божества произносились разумныя и возвышенныя рѣчи. Гимны Нилу, Ра свидѣтельствуютъ объ этомъ. Затѣмъ, на какой бы точкѣ зрѣнія не стоялъ по вопросу о происхожденіи Библейскаго текста, въ 9—8 в.в. предъ Р. Х., несомнѣнно, пророческія рѣчи о единобожіи повторялись по всему востоку. Пусть пророки не достигали обращенія къ религіозной истинѣ тѣхъ, къ кому они говорили, но во всякомъ случаѣ, тѣ слышали религіозную истину и должны были размышлять о ней. Безспорно, что голосъ еврейскихъ пророковъ доходилъ до самыхъ восточныхъ областей Ассиріи и Вавилоніи и достигалъ крайнихъ западныхъ и южныхъ предѣловъ Египта. Но внѣ Палестины происходило тоже, что и въ самой Палестинѣ: слушали, забывали и не исполняли. Теперь многіе ученые раціоналистическаго направленія изъ фактовъ политеизма у евреевъ дѣлаютъ выводъ, что въ древнѣйшую пору своего пребыванія въ Палестинѣ *весь* еврейскій народъ держался политеизма, и что монотеистическія воззрѣнія выработались у него и были восприняты имъ лишь постепенно и утвердились у него окончательно лишь въ эпоху вавилонскаго плѣна. Разсуждая такъ, раціоналисты крайне преувеличиваютъ значеніе фактовъ политеизма и совершенно игнорируютъ ту силу, которая породила и утвер-

дила монотеизмъ у евреевъ. Что евреи постоянно склонялись къ идолопоклонству и что лишь въ незначительной части они содержали истинное богочитаніе, объ этомъ ясно и твердо свидѣтельствуесть писаніе. Но почему лучшая часть исповѣдывала единобожіе, почему лучшіе люди и изъ другихъ народовъ принимали это единобожіе и почему во всемъ еврейскомъ народѣ въ эпоху всеобщаго идолопоклонства уже утвердилась вѣра въ единого Бога? На совокупность этихъ вопросовъ разумнѣйшимъ отвѣтомъ является тотъ, который былъ данъ издревле: потому что имъ было дано Божественное откровеніе для наставленія въ истинѣ и Божественная помощь для осуществленія ея.

Идеаломъ древнихъ людей было Богоподобіе. Въ сущности вѣдь и возможны для человѣка только два идеала — Богоподобіе или скотоподобіе. Или человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы пріобщиться къ высшему бытію, или къ тому, чтобы заглушить въ себѣ самыя эти стремленія и удовлетворять только свои животныя потребности. Въ древнѣйшихъ сказаніяхъ Халдеи уже развивалась мысль о возможности для человѣка приблизиться къ богамъ и принять участіе въ ихъ безсмертіи. Самасъ-Напистимъ пріобрѣлъ безсмертіе и жилъ на блаженныхъ островахъ. По ученію египтянъ умершій долженъ стать озирисоподобнымъ, долженъ слиться съ Озирисомъ, стать Озирисомъ N. Различіе между міромъ Божественнымъ и человѣческимъ въ древности не мыслилось столь громаднымъ, какъ его стали представлять впоследствии, и поэтому переходъ изъ міра низшаго въ высшій мыслился сравнительно допустимымъ. Забота человѣка о Божествѣ на землѣ главнымъ образомъ должна была выражаться въ ревности о славѣ Божества. Великъ Богъ народа, который совершаетъ великія побѣды. Ассирійцы, поднимавшіеся въ походы во имя Ассура и жестоко расправлявшіеся съ врагами, считали эту жестокость справедливой, потому что они карали за непочитаніе Ассура, за непризнаніе его силы. Когда народъ былъ побѣждаемъ, это не роняло въ его глазахъ его бога. Ассуръ, Хамось, Решефъ, Мелькартъ были чѣмъ-либо разгнѣванъ на своихъ почитателей. Но свои побѣды народъ всегда считалъ торжествомъ своего Бога. Расширяя свои территоріи, народъ расширялъ область почитанія своего бога — Сутеха, Бела. Нѣкоторые

представляютъ, что въ древности имѣль неограниченное значеніе принципъ *cujus regio, ejus religio*—чья власть, того и вѣра. Это далеко несправедливо. Политеисты въ завоеванныхъ территоріяхъ не ставили своихъ боговъ на мѣсто прежнихъ, а присоединяли прежнихъ къ своимъ. Иногда даже при перемѣнѣ территоріи повидимому готовы были перемѣнять и боговъ. Несомнѣнно, что гиксы въ эпоху своего владычества въ Египтѣ восприняли многое изъ Египетской религіи (ср. 4, цар. XVII, 24 и слѣд.). Но вообще понятно, что Божества правящаго народа и ихъ религіозныя требованія имѣли значеніе для всѣхъ покоренныхъ областей. Персы, подчинивъ Финикію, требовали отъ Карсагена, какъ финикійской колоніи, чтобы въ немъ не приносили человѣческихъ жертвъ и не хоронили умершихъ въ землѣ, потому что то и другое оскорбляетъ Ормузда. Такимъ образомъ, завоеванія языческаго востока имѣли также религіозный характеръ, какъ впоследствии и завоеванія масульманъ. Когда походы не достигали цѣли, и приходилось кончать дѣло договорами, тогда безъ сомнѣнія въ этихъ договорахъ приходилось нѣсколько поступаться не только своими честолюбивыми стремленіями, но и религіозными убѣжденіями. Приходилось выражать болѣе почтенія къ богамъ противниковъ и выражаться о величіи своихъ боговъ болѣе скромно, чѣмъ это было желательно. Но это была уступка обстоятельствамъ, временное подчиненіе силѣ, которую въ концѣ концовъ нужно и должно было сломить.

У древнихъ людей востока религіозно-правственные идеалы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были яснѣе и тверже, чѣмъ у людей современныхъ. Идеальною задачею вавилонскихъ и египетскихъ монарховъ было подчинить своимъ богамъ *всю* земли и *всѣхъ* людей. Распространить власть и почитаніе Ассура до предѣловъ земли, вотъ — тотъ идеальный строй, о которомъ мечтали могущественные ассирійскіе владыки. Но идеальный строй обусловливается не однимъ почитаніемъ боговъ. Имѣются нѣкоторыя нормы, которыя должны быть осуществлены. На землѣ должны царствовать порядокъ, правда, милосердіе. Египетскія надгробныя надписи, молитвы къ Белу, Синъ, Гулѣ въ Ассирио-Вавилоніи показываютъ, что святость милосердія хорошо понимали древніе люди. Несомнѣнно, что у древнихъ семитовъ было чрезвы-

чайно развито гостепрѣимство. Выражаютъ удивленіе, какимъ образомъ рядомъ съ благородными моральными правилами признавалась и даже официально освящалась такая ужасная жестокость. Братъ убитаго долженъ былъ убить убійцу. Можно, кажется, найти нѣкоторое моральное истолкованіе и для этихъ неморальныхъ дѣйствій. Все показываетъ, что у древнихъ людей была идея нормъ, которыя должны быть осуществлены, и закона возмездія, по которому всякое нарушеніе этихъ нормъ восстанавливается черезъ кару того, кто ихъ нарушилъ. Человѣкъ совершилъ убійство. Это — нарушеніе нравственныхъ нормъ, это — преступленіе божественнаго закона. Кто нарушилъ божественный законъ, тотъ долженъ быть наказанъ. Но кто долженъ явиться судьей и мстителемъ? Въ тѣ суровыя времена не было дѣйствовавшихъ по опредѣленнымъ уставамъ и съ строго разграниченными полномочіями судебныхъ институтовъ. Защитникомъ поправнаго божественнаго закона являлся тотъ, кого дѣло касалось всего ближе, кто долженъ былъ наиболѣе пострадать отъ этого нарушенія—родственникъ убитаго. Однако уже въ глубокой древности совѣсть народовъ стала смущаться предъ жестокими требованіями родовой мести. Убійцы могли находить убѣжище у алтарей, затѣмъ возникли города убѣжища. Наконецъ явился выкупъ за убійство. Но вообще въ древности былъ силенъ законъ возмездія. За малыя преступленія люди подвергались великимъ наказаніямъ. Дѣло въ томъ, что тогда очень многое оставалось безнаказаннымъ. Можетъ быть поэтому, когда закону предстояла возможность торжествовать, торжество полагалось въ томъ, чтобы онъ явился, какъ можно болѣе безжалостнымъ.

Нельзя отрицать у древнихъ не только идеи долга, но и правильнаго пониманія добра. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что египетскій сановникъ, говорившій, что онъ былъ палкою (опоры) для слабыхъ, мужемъ для вдовы, сыномъ для старца, былъ очень близокъ къ пониманію правды десятизловія. Но безспорно, что между этимъ теоретическимъ пониманіемъ и дѣйствительною жизнію было мало общаго. Наиболѣе страннымъ представляется не то, что существовали преступленія съ корыстными цѣлями, а то, что существовало множество преступленій безсмысленныхъ, не

приносившихъ ничего кромѣ вреда тѣмъ, кто ихъ совершала—безполезная жестокость, порождавшая озлобленіе и месть, утонченное мучительство. Человѣкъ, сознававшій свою вину передъ богами и просившій ихъ милосердія, повидимому долженъ бы былъ думать, что онъ и самъ долженъ быть милосердъ къ слабѣйшимъ и поработаннымъ. Его молитвенныя и замогильныя рѣчи показываютъ, что онъ такъ и думалъ. Но онъ не дѣлалъ такъ: онъ рѣзалъ уши и носы своимъ плѣнникамъ, кормилъ рабами своихъ рыбъ. Отчего это? Откуда въ человѣкѣ эта пагубная склонность дѣлать другимъ зло, не причиняя этимъ ничего кромѣ зла самому себѣ?

Древніе видѣли могущество зла. Жизнь была полна бѣдствій и опасностей. Отношеніями людей управляла сила, а не правда. Между добродѣтелью и счастіемъ далеко не всегда было соотвѣтствіе. Были ли безусловно блаженны сами боги? Нѣтъ, въ борьбѣ со зломъ если они и выходили побѣдителями, то нельзя сказать, чтобы эти побѣды для нихъ ровно ничего не стоили. Были острова блаженныхъ, сады Галю, но не видно, чтобы они представлялись особо притягательными магнитами для смертныхъ. Условія для того, чтобы оказаться ихъ обитателями, были довольно неопредѣленными, характеръ жизни, которую вели тамъ, не былъ выясненъ. Вслѣдствіе незначительной оплошности Гильгамъ и Адапа не овладѣли безсмертіемъ. Восторжествуетъ ли добро когда-либо? Въ природѣ древніе люди востока видѣли многое, противоборствующее благополучію людей, въ своемъ собственномъ сердцѣ и сердцахъ другихъ людей они видѣли много темнаго и нехорошаго. И они законно предполагали, что было нѣчто, что гораздо выше человѣка и что обусловливаетъ и поддерживаетъ зло въ немъ и въ природѣ. Окончится ли когда-либо борьба свѣтлыхъ силъ съ этими темными, и, если окончится, то какъ? На этотъ вопросъ не находится яснаго отвѣта въ ассирійскихъ и египетскихъ сказаніяхъ, не видно, чтобы они владѣли опредѣленной эсхатологіей. Въ Вавилонской религіи говорится о судьбѣ, о птицѣ судьбы Цу, но сказанія о Цу не только не показываютъ, что вавилоняне представляли, что строй міра направляется къ опредѣленному концу, напротивъ, ими повидимому допускалась возможность возникновенія самыхъ

хаотическихъ беспорядковъ. Теогоніи и космогоніи культурныхъ народовъ востока, строго говоря, не могутъ быть названы ни оптимистическими, ни пессимистическими. Вавилонскія сказанія сначала процессъ образованія міра представляютъ какъ бы, какъ процессъ постепеннаго преобладанія добра надъ зломъ, Мардука надъ Тіамать, но эта точка зрѣнія не выдерживается. Въ мифической исторіи Египта сначала исторической процессъ представляется какъ бы регрессивнымъ. Эпоха Ра была золотымъ вѣкомъ, послѣ Ра все пошло къ упадку, но и эта точка зрѣнія также не выдерживается. За то во всѣхъ сохранившихся космогоніяхъ—вавилонскихъ, египетскихъ, финикійскихъ утверждается фактъ культурнаго прогресса, однако не развивается теорія, что этотъ прогрессъ будетъ идти въ безпредѣльность. За всѣмъ тѣмъ въ вопросѣ о добрѣ и счастіи одинъ фактъ признается классическимъ востокомъ съ несомнѣннымъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ—фактъ преобладанія добра надъ зломъ. Въ этомъ отношеніи глубоко поучительными и знаменательными являются общія всему востоку сказанія о безвременной гибели и затѣмъ воскресеніи добрыхъ боговъ. Сказанія о гибели Таммуза, Озириса, Адониса, Адада, Адода-Риммона, все это — въ сущности мало между собою различающіяся варіаціи одной и той же темы: временно добро можетъ быть побѣжденнымъ, но затѣмъ оно непремѣнно восторжествуетъ. Получившая широкое распространеніе теорія, по которой сказанія о всѣхъ этихъ богахъ суть персонификація смѣны живительной весны убивающимъ лѣтнимъ зноемъ, несомнѣнно несправедлива. Прежде всего явленія природы не отвѣчаютъ мнѣу, лѣтнее солнце не является на смѣну весенняго, а есть тоже самое весеннее солнце. Природа не знаетъ борьбы между солнцами. Точно также подробности мифовъ нисколько не отвѣчаютъ естественному ходу явленія. За всѣмъ тѣмъ безспорно остающаяся аналогія между смѣною весны лѣтомъ—временемъ, когда засыхаетъ и гибнетъ цвѣтъ—и погибелью цвѣтущаго бога, позволительно думать, можетъ быть истолкована слѣдующимъ образомъ. То, что добрыя начинанія и добрые люди нерѣдко погибаютъ отъ злыхъ намъ неизвѣстнымъ образомъ, нашло себѣ у древнихъ выраженіе въ мифѣ о гибели цвѣтущаго бога. Для этой гибели представлялась аналогія въ засыханіи лѣ-

томъ весенняго цвѣта. Физическимъ явленіемъ воспользовались, какъ символомъ событія, имѣвшаго мѣста въ нравственномъ мірѣ, и приурочили воспоминаніе событія къ окончанію весны. Но собственное сердце, опытъ, надежды говорятъ человѣку, что добро не можетъ погибнуть совсѣмъ, что въ мірѣ имѣется перевѣсъ добра надъ зломъ, что торжество зла можетъ быть лишь временнымъ, переходящимъ. Отсюда—воскресеніе бога. Это—вторая радостная половина событія. Она опять находитъ себѣ аналогію въ природѣ: жизнь въ природѣ всегда торжествуетъ надъ смертію. Вслѣдствіе этого праздникъ воскресенія природы становится праздникомъ воскресенія бога. Однако этотъ праздникъ воскресенія въ языческихъ религіяхъ не является праздникомъ полнымъ и окончательнаго торжества добра. Воскресшій богъ не овладѣваетъ безраздѣльно міромъ, его снова ожидаютъ борьба, столкновенія, опасности. Идеи окончательнаго и всеобщаго торжества добра нѣтъ. Но за всѣмъ тѣмъ въ этихъ мифическихъ сказаніяхъ, гдѣ моральные и натуралистическіе элементы перепутаны до неузнаваемости, нельзя не усматривать нѣкоторой пророческой аналогіи событію воскресенія Христа, благодаря которому все доброе въ человѣчествѣ безусловно восторжествуетъ надъ зломъ. Самый смѣлый и самый наивный—что можетъ быть одно и то же—изъ рационалистовъ не станетъ утверждать, что евангельское повѣствованіе о смерти и воскресеніи Христа имѣетъ связь съ вавилонскими, египетскими, хеттейскими, или финикійскими сказаніями. Такой связи не устанавливалъ и безъ сомнѣнія не будетъ устанавливать ни одинъ изслѣдователь. Но несомнѣнно, что между евангельскими событіями и мифологическими сказаніями востока, сложившимися за двѣ тысячи лѣтъ до этихъ событій, существуетъ сходство. Въ неясной и запутанной формѣ эти сказанія однако давали надежду народамъ, что могутъ совершиться событія, въ которыхъ добро восторжествуетъ еще рѣшительнѣе надъ зломъ, чѣмъ Адонисъ надъ своимъ противникомъ, или Озирисъ надъ Сетомъ. Въ этихъ сказаніяхъ наиболѣе проницательнымъ изъ древнихъ можетъ быть подсказывалась мысль, что торжество зла не можетъ быть дѣйствительнымъ, и что, чѣмъ болѣе оно имѣетъ внѣшняго успѣха, тѣмъ менѣе заключаетъ въ себѣ внутренней силы, въ моментъ его види-

маго наибольшаго торжества—моментъ смерти благого Бога могущество зла въ сущности становится совершенно призрачнымъ. Когда зло поражаетъ смертію бога жизни, то оно не только не уничтожаетъ жизни, но оно достигаетъ того, что богъ жизни становится владыкою и смерти; то, что уже умерло какъ бы погибло, черезъ этотъ актъ божественной смерти снова приобщается къ жизни. Все приобщается къ благому Богу, происходитъ совершенное торжество добра.

Взаимоотношеніе между божествомъ и человѣчествомъ устанавливается въ культѣ. Можно отрицать разумность тѣхъ, или иныхъ формъ культа, но тотъ, кто отрицаетъ культъ вообще, отрицаетъ и религію вообще, потому что религія есть Богообщеніе, а актъ общенія человѣка съ Божествомъ есть культъ. Внѣшняя сторона культа, конечно не служитъ прямымъ выраженіемъ его внутренней сущности. Богатыя и сложныя формы культа не говорятъ еще о фактѣ дѣйствительной близости народа къ Богу, но свидѣтельствуютъ во всякомъ случаѣ о сознаніи нужды въ Богѣ—нужды можетъ быть и неправильно истолкованной и неразумно удовлетворяемой, но во всякомъ случаѣ нужды духовной, которая можетъ существовать только у духовно живаго народа. Культы древняго востока во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о его глубокой и живой религіозности.

Древній востокъ оставилъ множество вещественныхъ памятниковъ своей религіозности. Гробницы, храмы, идолы, религіозныя реликвіи. Гробъ всегда говоритъ о связи живаго человѣка съ умершимъ. Гдѣ не мыслится этой связи, гдѣ нѣтъ представленія о загробной жизни, тамъ не должно быть гроба. Трупъ человѣка въ глазахъ того, кто не вѣритъ въ безсмертіе, такъ же мало нуждается въ попеченіи и знакахъ вниманія, какъ какая нибудь животная надалѣ. Если теперь люди отрицающіе безсмертіе, хоронятъ въ гробахъ своихъ покойниковъ, то этотъ обычай у нихъ пережитокъ прошлаго. Отвергнувъ вѣру, они не отвергли еще обычаевъ связанныхъ съ вѣрою. Но погребальныя обычаи древнихъ не суть пережитокъ, а являются прямымъ выраженіемъ вѣры. Между тѣмъ мы видимъ, что люди африканскаго востока и азіатскаго запада не только устрояютъ гробы, но и наполняютъ ихъ предметами нужными въ житейскомъ обиходѣ. Этотъ обычай существовалъ и существуетъ еще въ настоя-

щее время у многихъ народовъ. Древній востокъ показываетъ намъ, что этотъ обычай имѣеть въ своемъ основаніи изначальную вѣру человечества въ загробное существованіе. Въ Египтѣ находятъ теперь, можно сказать, почти доисторическія муміи и могилы, и отъ нихъ вѣдетъ тою же вѣрою въ жизнь послѣ смерти.

Гдѣ существуетъ общественный культъ, храмы—рано или поздно—должны явиться. Мысль подсказываетъ возможность возникновенія храма по различнымъ побужденіямъ. Или нужно бываетъ оградить какую-либо почитаемую святыню отъ вліянія стихій. Тогда возникаетъ храмъ маленькій, тѣсный. Или является нужда оградить отъ непогоды мѣсто собранія народа. Отъ дождя нуженъ навѣсъ, его первоначально обыкновенно утверждали на колоннахъ. Это—прототипъ храмовъ обширныхъ. Иногда навѣсъ могъ комбинироваться съ маленькимъ помѣщеніемъ для святыни. Всѣ подобные типы храмовъ находятся на востокѣ. Для легкомысленнаго рационализма, согласно которому жрецы выдумали религіи, боговъ, конечно представляется несомнѣннымъ, что жрецы выдумали и храмы. Но на самомъ дѣлѣ, далеко не такъ легко отвѣтить, что существовало прежде—храмы какъ особыя зданія, или жрецы, какъ особый институтъ. Естественно, что въ древнѣйшую пору домашнюю жертву приносилъ глава семьи, общественную—глава племени. Въ частныхъ случаяхъ нужда въ особомъ зданіи для общественнаго культа могла явиться раньше, чѣмъ воинъ и царь обособились отъ жреца. Но въ общемъ это обособленіе повидимому произошло очень рано. Рано явились и храмы. Собственно, начало жреческаго института и начало построенія храмовъ намъ неизвѣстны.

Храмъ говоритъ о связи человѣка съ божествомъ. Инициатива этой связи можетъ лежать или въ человѣкѣ или въ богахъ. Человѣкъ можетъ выбрать мѣсто для общественнаго культа, воздвигнуть на немъ храмъ, своими моленіями освятить его. Здѣсь начинаніе принадлежитъ человѣку, но можетъ произойти и иначе. Особое знаменіе можетъ заставить человѣка признать мѣсто святымъ и избрать его для совершенія священнодѣйствій. Здѣсь уже святостью мѣста освящается самъ человѣкъ. Избраніе мѣста здѣсь принадлежитъ божеству, а не человѣку. Это различіе въ инициативѣ, какъ его представлялъ древній человѣкъ, кажется,

можетъ выяснитъ взаимоотношеніе идола и фетиша, о которомъ много велось и доселѣ ведутся споры. Фетишъ, это—предметъ, въ которомъ человѣкъ по тѣмъ или инымъ ображеніямъ призналъ особое присутствіе Божества. Идолъ, это—символь божества. Въ глубочайшей древности символы боговъ были просты и условны. Таковы на примѣръ, идолы Диду, подъ которыми разумѣли Озириса. Это своеобразная колонна, рядъ столовъ съ одной ножкой поставленныхъ одинъ на другой. Подобнымъ образомъ почитались камни Адада въ Сиріи. Впослѣдствіи колоннамъ Диду стали придавать человѣческое подобіе Озириса. Точно также и геммы Адада стали принимать человѣческія формы. Равнымъ образомъ коническія фигуры почитавшіяся у культурныхъ народовъ западной Азіи впослѣдствіи стали получать человѣческую голову. Здѣсь мы видимъ процессъ усовершенствованія символа, постепенное приближеніе его къ тому, символомъ чего онъ служилъ. Процессъ закончился появленіемъ художественныхъ скульптурныхъ произведеній. Такимъ образомъ, идолъ не есть усовершенствованный фетишъ, а есть усовершенствованный символъ. Но человѣку свойственно думать, что въ томъ, что онъ провозглашаетъ символомъ божества, можетъ утвердиться особое присутствіе божества. Отсюда идолъ можетъ, будучи символомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ стать и фетишемъ. Идолъ или фетишъ—это посредствующіе пункты, черезъ которые боги и люди вступаютъ во взаимоотношеніе между собою. Фетиши суть предметы указанные богами для такого взаимоотношенія, а идолы — предметы сдѣланные для той же цѣли людьми.

Богамъ посвящались праздники и приносились жертвы. Праздники опредѣлялись или особыми событіями или природными условіями. Естественно было начало или окончаніе періодовъ времени связать съ религіозными торжествами. Естественный измѣритель времени—луна, отсюда—праздники новомѣсячій, полнолуній, можетъ быть недѣльный счетъ. Затѣмъ смѣна временъ года, окончаніе полевыхъ и садовыхъ работъ (жатвъ, сбора винограда) установливали естественный рядъ празднествъ. Между природою человѣка и естественными условіями есть безспорное соответствіе, и періодическое прекращеніе работъ и періодическіе отдыхи требуются самою природою человѣка. Сторонники натура-

листического истолкованія религіи напрасно хотятъ вывести самое происхожденіе религіозныхъ празднествъ изъ чисто физическихъ событій. Естественно, конечно, благодарить боговъ за успѣшное окончаніе дѣлъ и молить о ихъ помощи передъ началомъ работы, за всѣмъ тѣмъ, хотя празднества приурочивались къ удобнымъ временамъ, они всегда имѣли религіозно-нравственные мотивы, а не были только естественнымъ слѣдствіемъ физическихъ факторовъ.

Различные типы жертвъ приносились богамъ. Теперь получила широкое распространеніе теорія, согласно которой жертва, это—обѣдъ для боговъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Пытаются отнять всякій моральный смыслъ у жертвы, Это воззрѣніе безусловно несправедливо. Не имѣется памятниковъ, въ которыхъ все дѣло поставлялось бы въ баранѣ или овцахъ. Видно, что вездѣ цѣнилось усердіе приносящаго. Жертва царя, конечно, всегда была богаче жертвы бѣдняка, но она далеко не всегда была пріятнѣе послѣдней. Жертва была показателемъ усердія и благочестія приносившаго лица и чѣмъ она была богаче, тѣмъ, понятно, пріятнѣе для боговъ, но не сама по себѣ была пріятна ея доброкачественность, а въ связи съ тѣмъ, кто ее приносилъ. Богачъ приносившій барана, когда могъ принести вола, былъ менѣе угоденъ богамъ, чѣмъ бѣднякъ, приносящій голубя. На самомъ дѣлѣ, какъ можно понимать жертву буквально, какъ обѣдъ боговъ? Вѣдь жертва или сжигалась или съѣдалась приносящими. Въ Халдейской сагѣ о потопѣ, древность которой восходитъ болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х., говорится, что когда Самасъ—Напистимъ принесъ жертву, „боги почувствовали благовопіе, и боги собрались, какъ мухи, надъ приносящимъ жертву“. Богамъ нужна была не жертва, а благовопіе жертвы. Качества этого благовопія зависѣли нетолько отъ приносимой жертвы, но и отъ приносившаго жертвователя. Въ ряду жертвъ особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе жертвы человѣческой жизнью, честію, мужскою силою, нанесеніемъ ранъ и поврежденій. Какъ ни изувѣрны и жестоки эти жертвы, имъ нельзя отказать въ нравственномъ смыслѣ. Если богамъ нужно было только человѣческое мясо, то тогда, конечно, изъ плѣнниковъ легче было устраивать гекатомбы, чѣмъ, изъ какихъ либо крупныхъ животныхъ. Но совсѣмъ не видно такихъ

гекатомбъ и признанія ихъ спасительности. Напротивъ, имѣетъ мѣсто принесеніе въ жертву собственныхъ дѣтей. Позволительно здѣсь видѣть сознание безпредѣльной благодарности къ божеству и виновности предъ нимъ. Человѣкъ сознавалъ, что онъ все получилъ отъ боговъ. Это положеніе онъ исповѣдывалъ даже не въ томъ смыслѣ, что боги суть первая причина всего, а въ томъ, что боги и духи суть непосредственная причина всего происходящаго. Такимъ образомъ человѣкъ былъ всѣмъ обязанъ богамъ. Воли ихъ онъ не могъ исполнять должнымъ образомъ. Ни обрядовыхъ ни нравственныхъ требованій онъ не могъ выполнить вполнѣ. Отсюда—сознаніе виновности, онъ не чувствовалъ въ своей душѣ къ богамъ должнаго почтенія (изъ гимновъ видно, что отъ человѣка требовалось питать страхъ къ богамъ), не питалъ надлежащихъ чувствъ къ своимъ ближнимъ, но грѣшилъ въ своихъ дѣлахъ, многихъ своихъ прегрѣшеній онъ даже могъ не замѣтить. Признавая, что онъ заслуженно навлекъ на себя гнѣвъ боговъ, онъ отдавалъ ему то, что было у него самого дорогого: отецъ отдавалъ первенца. Люди и незнающіе за собой преступленія, но знающіе, что они всѣмъ обязаны богамъ, отдавали богамъ дорогую часть изъ полученнаго, жертвуя мужскою силою, честью и благополучіемъ. Животная жертва была въ сущности самою естественною. Животное въ древнемъ мірѣ было наиболѣе обращаемою цѣнностью, оно—предметъ обмѣна и подарковъ. Его человѣкъ и приносилъ богамъ. Не потому что боги хотѣли обѣдать, человѣкъ приносилъ жертвы богамъ, но потому что въ немъ жила неистребимая потребность принести что-либо богамъ. Пусть онъ былъ палкою опоры для старца, пусть онъ помогалъ бѣднымъ, это было его обязанностью по отношенію къ ближнимъ, за исполненіемъ которой слѣдили боги, но кромѣ того у него были прямыя обязанности по отношенію къ богамъ, и онъ непременно долженъ былъ исполнять ихъ. Жертва растительная являлась и аксесуаромъ и замѣною жертвы животной. Но при употребленіи растительныхъ и благовоиныхъ веществъ несомнѣнно имѣли въ виду не замѣну только болѣе дорогого продукта болѣе дешевымъ, но опредѣленную идею, на примѣръ, идею мира въ жертвѣ мирной, какъ объ этомъ заставляютъ догадываться финикійскіе тарифы и какъ это, комментируетъ и истолковываетъ Библія.

Библия была и будетъ руководственнымъ началомъ въ дѣлѣ пониманія древнихъ религій передней Азіи. Указываютъ на то, что многія религиозныя учрежденія, представляемыя въ Библии богоустановленными, существовали раньше у языческихъ народовъ, чѣмъ у евреевъ. Храмы, институтъ жрецовъ, многія постановленія относительно жертвъ и праздниковъ, раздѣленіе времени и т. д.. Глубоко заблуждаются, когда хотятъ изъ этого дѣлать рационалистическіе выводы по отношенію къ Библии. Въ сущности неизвѣстно первоначальное происхожденіе указываемыхъ установленій. Но если и принять, что нѣкоторыя формы богопочитанія—должно замѣтить: въ измѣненномъ видѣ—выработанныя человѣческимъ опытомъ были сдѣланы для Израиля божественнымъ обязательнымъ закономъ, то въ этомъ нѣтъ никакихъ данныхъ и матеріала для отрицанія провидѣнія и откровенія. Самоизмышляя формы богопочитанія, древніе люди придумывали и хорошее и то, что не можетъ быть названо хорошимъ. Хорошее по измѣненіи его въ наилучшее получило божественную санкцію въ Израилѣ. Напротивъ то, что было дурно, подверглось суровому осужденію. Ветхозавѣтный законъ въ значительной части состоитъ изъ постановленій направленныхъ противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ народовъ, которые окружали евреевъ. Лучшіе изъ язычниковъ входили въ составъ Израиля, отказываясь отъ своего дурного; худшіе изъ евреевъ отказывались отъ лучшаго изъ того, что они имѣли, — отъ божественнаго закона. Должно различать ветхозавѣтный законъ и еврейскій народъ, законъ былъ у еврейскаго народа, но далеко не весь народъ исполнялъ его, съ другой стороны и не евреи, принимая еврейскій законъ, нерѣдко становились его ревностными послѣдователями и исполнителями.

Лучшіе люди среди народовъ, окружавшихъ израиля, не могли не видѣть и не понимать безпредѣльнаго различія между рѣчами пророковъ и культурами Астартъ и Молоху. Но за всеѣмъ тѣмъ и ихъ религіи никакъ не могутъ быть названы сплетеніемъ дурного, въ нихъ было много хорошаго, они освящали во многомъ правила добраго поведенія, защищали слабыхъ, удерживали сильныхъ отъ насилія и произвола. Въ настоящее время любятъ говорить объ антагонизмѣ между религіей и культурой, о томъ, что первая всегда задерживала раз-

вѣтіе второй. Чтобы оцѣнить этотъ тезисъ, его должно провѣрить исторически, начиная съ древнѣйшаго времени. Достоверная древнѣйшая исторія есть исторія Ассиро-Вавилоніи, Египта и непосредственно съ ними соприкасавшихся народовъ. Что же мы видимъ тамъ на этой зарѣ культуры? Мы видимъ, что тамъ культура тѣснѣйшимъ образомъ сплетена съ религіею, въ послѣдней находитъ свой импульсъ, источникъ и освященіе. (Вавилонскіе, египетскіе, финикійскіе фрагменты говорятъ намъ объ Оаннесѣ (Еа), Озирисѣ, Таутѣ—богахъ просвѣтившихъ людей, наставившихъ ихъ правиламъ культуры, написавшихъ для нихъ книги. Мы видимъ далѣе, что жрецы служатъ астрономіи.

При храмахъ имѣются обсерваторіи, небо изучается довольно тщательно, благодаря стараніямъ служителей храма. Новый періодъ въ астрономіи послѣ халдейскаго начался уже съ Коперника. Жрецы были медиками. Искусство бальзамированія и знаніе анатоміи безспорно стояли на высокой степени развитія у египетскихъ жрецовъ. Говорятъ, что астрономія была сплетена съ астрологіею и медицина съ знахарствомъ, но вѣдь и теперь въ наукѣ истина тѣсно сплетена со многими заблужденіями. Жрецы вѣдали земледѣліе. Имъ часто должна была принадлежать инициатива общественныхъ работъ и занятій. Архитектура, скульптура, живопись развивались на религіозной почвѣ. Литература въ своей наибольшей части была религіозною. Самые лучшіе гимны, самыя художественныя произведенія живописи и скульптуры черпали для себя матеріаль въ представленіи величія, могущества, красоты и силы боговъ. Свои идеалы люди древняго востока указывали на небѣ. Относительно всякаго произведенія, въ которомъ сказывалась духовная сила—статуя, книга, алтарь, они предполагали, что оно было произведено при божественномъ содѣйствіи. Духовный подъемъ человечества—по ихъ воззрѣніямъ—могъ совершаться лишь при божественной помощи. Религія у нихъ освящала знаніе и искусство. Если бы у нихъ не было этого духовнаго огня религіи, оставили ли бы они намъ какія-либо научныя знанія и произведенія художественнаго гения?

С. Глаголевъ.